

ЕЩЕ РАЗ О ЗАКРЫТИИ ГАНЗЕЙСКОГО ДВОРА В НОВГОРОДЕ В 1494 г.

В средние века Ганза являлась главным торговым партнером Руси на Западе. Вплоть до XVI в. Ганзейскому союзу принадлежала монополия на посредническую торговлю между Русью и западноевропейскими странами. Не удивительно поэтому, что закрытие ганзейского двора в Новгороде Иваном III в 1494 г., свидетельствовавшее об изменении в соотношении сил между Ганзой и Русью в пользу последней, всегда привлекало внимание исследователей.

По поводу причин этого события в научной литературе высказывались различные точки зрения, которые можно свести к трем основным: 1) закрытие Немецкого двора явилось одной из акций в цепи антиновгородской политики Ивана III; 2) оно было произведено в исполнение обязательства, данного Иваном III датскому королю Хансу при заключении русско-датского договора 1493 г.; 3) оно было обусловлено стремлением русского правительства к ликвидации монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западной Европой и к установлению с последней непосредственных экономических контактов; модификацией и конкретизацией последней точки зрения, принятой в советской историографии, является высказанное ранее мнение автора данной статьи о том, что в основе поступка Ивана III, проводившего политику покровительства развитию заграничной торговли русского купечества, лежало недовольство положением русских в Ливонии; непосредственным же толчком к суровым репрессиям против ганзейского купечества в Новгороде послужила казнь русских в Ревеле осенью 1494 г.¹

Первая точка зрения, распространенная главным образом в немецкой буржуазной историографии, основывается на соображениях преимущественно концептуального порядка: подчинив Новгород Москве, Иван III всеми мерами стремился подорвать его могущество, в частности торговое, чему и служило закрытие Не-

¹ Казакова И. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. М.; Л., 1975, с. 261—273. — А. Л. Хорошкевич считает, что казнь русских в Таллине послужила предлогом для закрытия Немецкого двора в Новгороде, так как она «показала, что ни ливонский магистр, ни таллинский городской совет не признают права верховного суда великого князя над его подданными, находящимися в Ливонии». Вместе с тем исследовательница полагает, что «факт закрытия Немецкого двора можно рассматривать как первое действие союзников (Дании и Русского государства. — И. К.) в ганзейском вопросе» (Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980, с. 69—70, 142).

мецкого двора.² Однако приведенной точке зрения противоречат направление и конкретное содержание политики русского правительства в отношении Ганзы в конце XV в. Чтобы сущность этой политики стала бы более ясной, проведем сопоставление ее основных моментов с ганзейской политикой Новгорода последнего столетия его самостоятельности.

XV век в истории русско-ганзейских отношений проходил под знаком борьбы Новгорода против торгового преобладания ганзейцев. Эта борьба развивалась по двум направлениям: 1) новгородцы добивались установления равных условий торговли с ганзейцами — ликвидации «колушанья» воска и «наддач» к мехам, продаваемым ими ганзейцам, и обязательного взвешивания и измерения покупаемых у последних товаров — соли, меда, сукон;³ 2) новгородцы требовали предоставления им «чистого пути за море», понимаемого как принятие на себя Ганзой ответственности за случавшиеся на море ограбления новгородских купцов; осуществление этого требования должно было способствовать развитию активной транзитной торговли новгородского купечества. Борьба Новгорода против Ганзы оказалась безуспешной: новгородскому правительству не удалось добиться реализации поставленных целей. Только после присоединения Новгорода к Москве Ганза по настоянию великокняжеского правительства согласилась по договору 1487 г. на предоставление новгородцам «чистого пути за море», а в конце 80-х—начале 90-х гг. распоряжениями великокняжеских наместников в Новгороде была отменена система «колушания» и «наддач» при покупке ганзейцами новгородских товаров и введено обязательное взвешивание продаваемых ганзейцами соли и меда.⁴ Таким образом, политика правительства Ивана III в отношении Ганзы явилась продолжением политики Новгорода и, следовательно, имела целью защиту интересов его торговли, а не подрыв ее, как это полагают сторонники вышеизложенной точки зрения.

² Dänell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Berlin, 1905, Bd I, S. 104—105; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 186—187.

³ Ганзейцы имели право основные продукты русского экспорта — воск и меха — осматривать, воск «колупать» (откалывать для проверки его качества куски, которые затем в счет веса купленного воска не засчитывались), а к мехам требовать «наддач» — надбавок, рассматривавшихся как компенсация за возможную недоброкачественность купленного товара. Новгородские купцы подобных прав в отношении продуктов ганзейского импорта не имели: сукна они должны были покупать кипами, соль — мешками, сельдь, вино, мед — бочками без измерения и взвешивания. Такой порядок торговли больно ударял по русским и приносил большие выгоды ганзейцам, так как прибыль, извлекаемая ганзейцами из торговли с русскими землями, складывалась не только из разницы цен на товары на русском и европейских рынках, но и за счет неравных условий торговли для ганзейцев и русских, существовавших в Новгороде.

⁴ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, гл. II, IV; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. . . , с. 69—70.

Наиболее старым в историографии является мнение о связи между закрытием Немецкого двора в Новгороде в 1494 г. и заключением русско-датского договора 1493 г. Оно высказывалось в скандинавской, немецкой и русской научной литературе.⁵ Однако, как правило, это мнение излагается либо без ссылок на источники, либо со ссылкой лишь на сочинение шведского историка начала XVII в. Иоганна Мессениуса.⁶ Полной источниковедческой проверке оно до сих пор не подвергалось, и проведение таковой является одной из задач настоящей статьи.

Нуждается в уточнении и высказанная нами ранее точка зрения, что казнь двух русских в Ревеле в 1494 г. довела до предела недовольство Ивана III положением русских купцов в Ливонии и побудила его к суровой ответной акции — закрытию ганзейского двора в Новгороде. Эта точка зрения не дала ответа на вопрос, почему именно казнь в Ревеле вызвала столь жесткую реакцию со стороны Ивана III. Такой ответ мы попытаемся дать сейчас.

Русско-датский союзный договор, заключенный осенью 1493 г., имел антишведскую направленность: король Дании Ханс и великий князь Московский Иван III давали обязательство оказывать взаимную помощь в борьбе против правителя Швеции Стена Стуре. Антишведская направленность договора была обусловлена противоречиями между Швецией и Данией (шведы под руководством Стена Стуре вели борьбу против датского владычества) и Россией (русское правительство желало возвращения трех западных карельских погостов — Эйрепя, Яскис и Саволакс, — отошедших к Швеции по Ореховецкому договору 1323 г.). Важную часть договора между Россией и Данией составляли также статьи о создании благоприятных условий для развития непосредственной русско-датской торговли. Торговые статьи договора 1493 г. имели определенный антиганзейский подтекст, так как развитие русско-датской торговли означало подтачивание вековой монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западом. Но никаких соглашений о борьбе с ганзейцами, тем более о закрытии ганзейского двора в Новгороде текст договора 1493 г. не включал.⁷

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. III, с. 130—131; Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, с. 156; Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1885, т. II, с. 171; *Riesenkampf N. G. Der deutsche Hof zu Nowgorod.* Dorpat, 1854, S. 93; *Hildebrand H. Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schliessung des deutschen Hofes zu Nowgorod.* — *Baltische Monatsschrift.* Riga, 1874, Bd 20, N. F., Bd 2, S. 115; *Mollerup W. Dänemarks Beziehungen zu Livland.* Berlin, 1884, S. 30; *Dalin O. Geschichte des Reiches Schweden.* Greifswald, 1757, Bd 2, S. 632 (перевод со шведского; *Danmarks historie.* København, 1963, Bd 5, S. 96—97; *Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år.* København, 1964, S. 11—12).

⁶ *Johannis Messenij Scandia illustrata, seu chronologia de rebus Scandiae.* . . Stockholmiae, 1700, t. IV, p. 48.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1894, ч. V, № 110.

Упоминания о связи между заключением русско-датского союза 1493 г. и закрытием ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. содержится в нарративных источниках. Первое такое упоминание соединяется с именем Альберта Кранца.

Альберт Кранц (1448—1517) был заметной фигурой в политической и культурной жизни Северной Германии, в его лице соединились теолог, историк и политический деятель: став в 1481 г. профессором в Ростоке, Кранц позже сделался соборным деканом в Гамбурге и синдиком Любека. В качестве синдика он участвовал в важных международных переговорах Ганзы, в частности с английским и датским королями, находясь в гуще современной ему политической жизни. Однако известность Кранцу приписали не столько его политическая и религиозная деятельность, сколько его ученые труды. Кранцу принадлежат четыре исторических труда: «Вандалия», или история Вендской земли, на территории которой были расположены важнейшие ганзейские города; «Хроника северных государств» — история Дании, Швеции, Норвегии; «Саксония» — история родной ему Нижней Саксонии (Кранц родился в Гамбурге) и, наконец, «Метрополис» — история архиепископства Гамбург—Бремп. Труды Кранца, вышедшие уже после его смерти,⁸ особенно «Вандалия» и «Хроника северных государств», оказали значительное влияние на историографию скандинавских государств, чья история тесно соприкасалась с историей Северной Германии и Ганзейского союза.

В двадцать второй главе четырнадцатой книги «Вандалии» Кранц, сообщая о ликвидации стапеля в Новгороде и заключении находившихся там ганзейских купцов в темницу, указывает, что многие причину случившегося усматривают в обмене посольствами между королем Дании и великим князем Московским (т. е. в русско-датских переговорах, завершившихся заключением союза между Россией и Данией в 1493 г. — *И. К.*). Далее Кранц добавляет, что большего доверия заслуживает другое мнение: «Московита» (великого князя) разгневало нанесенное ему в Ревеле оскорбление: когда русский, уличенный в ужасном грехе, был в Ревеле сожжен, то ревельцы будто бы неосторожно сказали, что они даже самого «Московита», если бы он совершил такой проступок, сожгли бы, как собаку.⁹ Таким образом, о связи между

⁸ *Krantz A.* 1) *Wandalia. Coloniae Agrippinae*, 1519; 2) *Saxonia. Coloniae Agrippinae*, 1520; 3) *Chronica Regnorum aequilonarium*. Argentorati, 1546 (в 1545 г. эта хроника была издана в Страсбурге в переводе на немецкий язык под названием «*Denmårckische Chronick*»); 4) *Historia ecclesiastica sive metropolis. Basileae*, 1547.

⁹ *Krantz A.* *Wandalia*, lib. XIV, cap. XXII. — Кранц ошибается, говоря о казни в Ревеле в 1494 г. одного русского: в действительности там были подвергнуты мучительной казни двое русских, один как фальшивомонетчик, второй — по обвинению в половых извращениях (см.: Отчет ганзейского посольства о переговорах с русскими в Нарве в феврале 1498 г. — *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch*. 2-te Abt. (далее — *LUB* 2). Riga; Moskau, 1900, Bd I, № 647, S. 480). Думается, что и вкладываемые Кранцем в уста ревельцев слова, что они и самого бы великого князя, если бы он

закрытием ганзейского двора в Новгороде и заключением русско-датского союза Кранц говорит как о слухе, подчеркивая при этом большую достоверность другого мнения: великого князя к суровому поступку в отношении ганзейцев побудила казнь русского в Ревеле.

Шведский историк середины XVI в. Олай Петри (умер в 1552 г.), использовавший в своей «Шведской хронике» «Вандалию» Кранца,¹⁰ излагая датско-шведско-русские отношения конца XV в., пишет, что датский король Ханс начал торговать с Московитом и заключил с ним союз, и настраивал его против шведов и любекцев. И это привело к тому, что многие любекские купцы в Новгороде были схвачены и подвергнуты дурному обращению.¹¹ О закрытии ганзейского двора в Новгороде Олай Петри прямо не говорит, но, возможно, именно это событие он имел в виду, когда писал о плохом обращении великого князя с любекцами. Согласно контексту Олая Петри, плохое обращение великого князя с любекцами было обусловлено союзом его с королем Дании. Но высказывая это положение, Олай Петри не указывает, имела ли специальная договоренность между Иваном III и королем Хансом о закрытии Немецкого двора в Новгороде или же последнее было произведено в силу того, что союз с Данией создавал благоприятные условия для антиганзейских мероприятий. Рассматриваемое известие Олая Петри повторил его младший брат Лаврентий Петри, также являвшийся шведским хронистом XVI в.¹²

Шведский историк начала XVII в. Иоганн Мессениус в своем труде, посвященном истории Скандинавии, использовал, как он сам отмечает в предисловии, сочинения Кранца (*Crantius Hamburgi genitus*).¹³ Однако, сообщая о русско-датском союзе 1493 г., Мессениус пишет о нем то, чего не было у Кранца, а именно: во время переговоров между королем Данией и великим князем Московским было достигнуто соглашение о переходе к России значительной части Финляндии (погостов Эйреня, Яскис и Саволак) и прекращении торговли ганзейцев в России.¹⁴

Итак, под пером шведских историков XVI—XVII вв. известие Кранца о наличии слуха о связи между закрытием Немецкого двора в Новгороде и русско-датским сближением проределало значительную эволюцию и превратилось в известие о заключении между королем Хансом и великим князем Московским Иваном III специальной договоренности о ликвидации торговли ганзейцев

был уличен в том же грехе, что и казненный русский, сожгли бы, как собаку, являющуюся преувеличением.

¹⁰ Nordman V. Die Wandalia des Albert Krantz. — In: *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B. Helsinki, 1934, t. XXIX, S. 275—276.

¹¹ Olai Pertri Svenska Chronica. *Scriptores rerum svecicarum medii aevi*. Upsaliae, 1818, t. 1, p. 328.

¹² Chronica svecana Laurentii Petri. *Scriptores rerum svecicarum medii aevi*. Upsaliae, 1818, t. II, p. 136.

¹³ *Johannis Messenii Scandia illustrata...*, Programma.

¹⁴ *Ibid.*, t. IV, p. 48.

в России. Думается, что такая метаморфоза имела место не случайно. Она явилась следствием антидатских настроений, присутствующих в шведской историографии рассматриваемого времени: Швеция сравнительно недавно освободилась от датского владычества, и шведские историки склонны были приписывать Дании (сознательно или бессознательно) всяческие козни не только против Швеции, но и против ее союзников (Ганза являлась союзником Швеции). В этой связи отметим, что о второй версии, приводимой Кранцем (которую тот считал более достоверной), причин закрытия Немецкого двора в Новгороде — гнев великого князя в связи с казнью русского в Ревеле — шведские историки умалчивают. Умолчание показательное.

Показательно также, что в сочинениях датских историков XVI в. отсутствуют упоминания об обусловленности закрытия ганзейского двора в Новгороде заключением русско-датского договора. Такого упоминания нет даже в насыщенной большим фактическим материалом и вышедшем на рубеже XVI и XVII вв. труде по истории Дании известного датского историка Хуитфельда (умер в 1609 г.).¹⁵ А датские историки того времени, когда еще продолжалась борьба за господство на Балтийском море, должны были, казалось бы, интересоваться действиями своего правительства, касавшимися векового врага Дании — Ганзейского союза.

Анализ известий скандинавских источников о русско-датском союзе 1493 г. показывает, как нам представляется, что мнение о связи между заключением этого союза и закрытием ганзейского двора в Новгороде не имеет достаточно прочных источниковых оснований.

В немецких источниках конца XV—XVI в. версия об обусловленности закрытия Немецкого двора заключением русско-датского союза полностью отсутствует. Самыми ранними и, может быть, более объективными в силу своего документального характера немецкими источниками, содержащими известия об интересующих нас событиях, являются отчеты ганзейских послов ратмана Дерпта Томаса Шrove и ратмана Ревеля Готшалка Ремелинкроде о посольстве в Россию осенью 1494 г. Возвращаясь на родину из Москвы через Новгород, ганзейские послы застали там Немецкий двор закрытым, а ганзейских купцов арестованными. Новгородские великокняжеские наместники в ответ на вопрос послов сказали, что арест немецких купцов вызван притеснениями, которым русские подвергались в Ливонии, а Готшалк Ремелинкроде арестован потому, что ревельцы несправедливо сожгли русского.¹⁶

Объяснение поступка великого князя в отношении ганзейцев как реакции на казнь в Ревеле фигурирует во всех эпистолярных

¹⁵ *Huitfeldt A. Danmarks Rigis Krønike. Kiøbenhavn, 1652, t. II, S. 1008.*

¹⁶ *Hanserecesse. 3te Abt. (далее — HR 3). Leipzig, 1888. Bd III, № 433, § 16—28; LUB 2, Bd I, № 95.*

и документальных ганзейских и ливонских источниках конца XV—начала XVI в. (переписке ганзейских городов и орденских чинов, отчетах послов, рецессах ганзейских съездов и ливонских ландтагов).

Аналогичная версия читается и в ливонских хрониках — современной событиям «*Schonne hysthorie*», охватывающей период с 1491 по 1508 г. и составленной, по-видимому, в 1508 г.,¹⁷ и в более поздней, написанной уже во второй половине XVI в. «Ливонской хронике» Б. Руссова.¹⁸

Известие о закрытии Немецкого двора в Новгороде имеется и у любекских хронистов XVI в. — автора первой истории Любека Германна Бонна (1504—1548) и писавшего в середине XVI в. Реймара Кока. Касаясь закрытия ганзейского двора в Новгороде, Бонн объяснял его как реакцию великого князя на сожжение в Ревеле русского. Хроника Кока полностью не издана. Судя по замечаниям издателя к опубликованному отрывку Хроники, Кок в своем сообщении о закрытии Немецкого двора в Новгороде пересказал соответствующее место «Вандалии» Кранца,¹⁹ а тот, как мы помним, считал достоверной версию, объясняющую закрытие Немецкого двора гневом великого князя на Ревель.

Итак, во всех немецких, ливонских и ганзейских документальных и нарративных источниках присутствует лишь одна версия — о закрытии Немецкого двора в результате гнева великого князя из-за казни русского в Ревеле.

В русских летописях известие о закрытии Немецкого двора читается в двух редакциях. Краткая редакция раньше всего встречается в Своде 1495 г.: «Послалъ князь великий в Новъгород в великий дика Василя Жоука да Данила Мамырева, и велѣл поимати в Новѣгородѣ гости немѣцких да и товаръ их переписатьи и запечатати».²⁰ В Своде 1495 г. фиксируется факт ареста ганзейских купцов без объяснения побудительных мотивов. В следующем Своде, 1497 г., в текст рассматриваемого известия внесено добавление: к словам «велел поимати... гости немѣцких» добавлено «колыванцев».²¹ Это добавление, с одной стороны, несколько искажает факты (в Новгороде были арестованы не только ревельские купцы), но, с другой — оно вносит как бы некоторое пояснение к поступку великого князя, подчеркивая,

¹⁷ *Eyne Schonne hystorie van vunderlyken gescheffthen der heren tho lyfflanth myth den Russen unde tartaren* / Herausgegeben und erläutert von C. Schirren. — In: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Reval, 1861, Bd VIII, S. 138—141; Bg. 29 b.—33 b.; S. 224—225. — О «*Schonne hysthorie*» см.: *Benninghoven F.* Russland im Spiegel der livländischen Schonnen Hysthorie von 1508 J. — *Zeitschrift für Ostforschung*, 1962, H. 4, S. 603—604.

¹⁸ *Руссов Б.* Хроника Ливонии. — В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879, т. II, с. 294.

¹⁹ *Bonn H.* Lübeckische Chronica, S. A., 1634, Von den Cuntor zu Nougarden (первое издание «Хроники» Бонна вышло в 1539 г.); из «Хроники» Реймара Кока: HR 3, Bd III, № 502.

²⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 366.

²¹ ПСРЛ. М.; Л., 1963, т. 28, с. 160.

что его раздражение направлялось в тот момент в первую очередь против Ревеля.

Пространная редакция летописного известия о закрытии Немецкого двора читается в Софийской первой летописи по списку Царского (Свод 1508 г.), Уваровской летописи (Свод 1518 г.), Софийской второй и Львовской летописях (Свод 1518 г.), Воскресенской и Никоновской летописях.²² В пространной редакции сообщается, что великий князь «велѣлъ понмати в Новѣгородѣ гостей пѣмецкихъ, колыванцовъ, да и товаръ ихъ, перешисавъ, привезти в Москву, за ихъ неисправление, про то, что они на Колывани великого князя гостемъ новгородцемъ многа обиды чиниша и поругание самовлиѣ, а иныхъ людей великого князя живыхъ в котлѣхъ вариша, безъ обыскы великого князя и безъ обыску; тако же и посломъ великого князя отъ нихъ руганье бысть, которые послы ходили в Римъ, и въ Фрязскую землю, и в Немецкую, да и старымъ гостемъ великого князя новгородцемъ отъ нихъ много неисправление бысть и обида и розбой на морѣ; и за то князь великий Иванъ Васильевичъ опалу свою на нихъ положилъ, и гостей ихъ велелъ въ тюрьмы посажати, и товаръ ихъ спровадити к Москвѣ, и дворы ихъ гостинные в Новѣгородѣ старыи, и божницу велѣлъ отняти».²³

Согласно пространной редакции летописного известия, репрессии против ганзейских купцов в Новгороде были вызваны имевшими место в Ревеле насилиями над новгородскими купцами и великокняжескими послами, при этом подчеркивается, что людей великого князя (очевидно, имеются в виду подданные великого князя. — *Н. К.*) в Ревеле подвергли страшной казни «безъ обыскы великого князя и безъ обыску». Рассматривая ранее известия русских летописей,²⁴ мы не обратили внимания на последние приведенные слова: «безъ обыскы великого князя и безъ обыску», а между тем именно в этих словах кроется, как мы попытаемся показать дальше, ответ на вопрос, почему казнь русских в Ревеле осенью 1494 г. вызвала столь суровую реакцию со стороны Ивана III.

Чтобы яснее расшифровать интересующие нас слова, нужно сделать экскурс в область юрисдикции, существовавшей в сфере русско-ливонских и русско-ганзейских отношений. Здесь издавна господствовало правило, что тяжба, возникшая у купца на чужбине, должна разрешаться там, где она возникла: «А где ся тяжа родить, ту ю кончати».²⁵ Ганзейцы в Новгороде по тяжбам, возникавшим у них с новгородцами, судились судом тысяцкого при церкви св. Ивана на Опоках, по тяжбам и конфликтам между

²² ПСРЛ. СПб., 1853, т. VI, с. 39, 240; т. 28, с. 325—326; Пб., 1910, т. 20, ч. 1, с. 361; СПб., 1859, т. VIII, с. 228; СПб., 1904, т. XII, с. 239.

²³ ПСРЛ, т. VI, с. 39; СПб., 1848, т. IV, с. 164.

²⁴ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 269.

²⁵ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг. — ГВНИП. М.; Л., 1949, № 29, с. 57.

ганзейцами — властями Немецкого двора, согласно правилам скры (устава Немецкого двора). Новгородцы в ганзейских городах, по-видимому, в случаях любых конфликтов (и с немцами, и между собою) судились местными властями в соответствии с действовавшим в каждом городе правом (никаких сведений о судебных функциях русских купеческих организаций за границей вплоть до середины XVI в. нет).²⁶ После присоединения Новгорода к Русскому государству и ликвидации органов власти Новгородской республики судебные функции по отношению к ганзейским купцам перешли в руки великокняжеских наместников в Новгороде. При этом основы юрисдикции остались неизменными: купца, находящегося на чужбине, судили местные власти. Это положение сформулировано в новгородско-ливонских договорах 1481 и 1493 гг.²⁷ применительно к русским, находящимся в Ливонии: «А на которомъ городѣ почнетца каково дѣло новгородцу, въ мистровѣ державѣ и въ арцыбискуповѣ державѣ и въ бискупныхъ державахъ: ино туто ему и управа дати, по исправѣ и по крестному цѣлованью; а доспѣется новгородцу купцу каково дѣло на Ризѣ, или на Юрьевѣ, или на Колывани, или на Ругодивѣ, ино на томъ городѣ управа дати».²⁸ Однако, формулируя традиционное правило о подсудности находящегося на чужбине купца местным судебным органам, договоры 1481 и 1493 гг. вносили в него существенные коррективы.

В первых статьях новгородско-ливонского договора 1481 г. устанавливалось, что в течение ближайших двух лет должны состояться три съезда представителей обеих сторон для разбора «обидных дел».²⁹ Как явствует из контекста, под «обидными делами» подразумевались дела, связанные с уголовными преступлениями. Статьи договора 1481 г. предусматривали совместные съезды русских и ливонских представителей для разбора совершенно конкретных, уже случившихся «обидных дел» и не имели силы постановления, обязательного для будущего.³⁰

²⁶ Клейнберг И. Э. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. — Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук, Таллин, 1962. с. 255.

²⁷ Во второй половине XV в. в русско-ливонских отношениях сложился порядок, согласно которому одновременно заключались три договора: Новгорода с Ливонией, Пскова с Ливонией и Пскова с Дерптским епископством. Этот порядок, обусловленный феодальной раздробленностью Руси, продолжал существовать и после образования единого Русского государства вследствие неполной завершенности в тот период процесса государственной централизации (подробнее см.: Казакова Н. А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV—первой половине XVI в. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1983, с. 156—159). Договоры, которые мы сейчас рассматриваем, являлись договорами Новгорода с Ливонской конфедерацией, но содержание их определялось в конечном счете великокняжеской властью.

²⁸ АЗР. СПб., 1846, т. I, № 112, с. 131; ср.: там же, № 75, с. 96.

²⁹ Там же, № 75, с. 96.

³⁰ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. с. 166—167.

В новгородско-ливонском договоре 1493 г. статья о созыве съездов ливонских и русских представителей для разбора уже имевших место и неурегулированных «обидных дел» отсутствует. Вместо нее читается совершенно новая для формуляра русско-ливонских договоров статья, устанавливающая порядок разбора «обидных дел» на будущее: «А о обидныхъ дѣлѣхъ о всякихъ намѣстникомъ государевымъ великого князя новгородскимъ съ княземъ мистромъ зсылатися послы; такожь и князю мистру о всякихъ обидныхъ дѣлѣхъ зсылатися послы съ государевыми великого князя намѣстники новгородскими, и управа дати всякимъ обиднымъ дѣломъ на обѣ сторонѣ, по крестному дѣлованью, въ правду, безъ хитрости».³¹ Как видим, статья формулировала обязательство магистра и великокняжеских новгородских наместников «ссылаться послами» о всяких «обидных делах» и производить по ним суд по справедливости. Очевидно, реальное содержание статьи заключалось в обязательстве властей каждой стороны в случае совершения на ее территории уголовного преступления подданным другой стороны ставить об этом в известность власти другой стороны и информировать их также о результатах следствия и вынесенном приговоре. Такой порядок разбора «обидных» (уголовных) дел гарантировал в какой-то степени виновного от произвола местных властей и жестокостей чужого права.

Сопоставим теперь имеющуюся в рассматриваемой статье новгородско-ливонского договора 1493 г. формулу об обязательстве властей обеих сторон «о обидныхъ дѣлѣхъ о всякихъ... зсылатися послы» с читающимся в летописном известии о закрытии Немецкого двора указанием на то, что в Ревеле осенью 1494 г. русские были казнены «безъ обсылкы великого князя и безъ обыску». Это сопоставление дает, как нам кажется, основания для вывода о том, что гнев великого князя против ганзейцев был вызван не только самим фактом мучительной казни в Ревеле русских, совершивших уголовные преступления, но и тем, что эта казнь и предшествующее ей следствие были проведены без уведомления властей русской стороны, как это надлежало сделать согласно новгородско-ливонскому договору 1493 г. Городские власти Ревеля нарушили условия недавно заключенного договора, и именно это обстоятельство вызвало со стороны великого князя суровую ответную репрессию — закрытие ганзейского двора в Новгороде.

Сделанному выводу противоречит, казалось бы, одно обстоятельство: условия новгородско-ливонского договора были нарушены ревельскими городскими властями, а в Новгороде пострадало ганзейское купечество в целом, взаимоотношения же между Новгородом и Ганзой регулировались специальными новгородско-ганзейскими договорами, в которых статья об обязательстве сторон «ссылаться послами» в случае совершения подданным одной

³¹ АЗР, т. I, № 112, с. 131.

стороны на территории другой уголовной преступлении отсутствует. Мы думаем, что правительство Ивана III, принимая свое решение, исходило, очевидно, не из формально-юридических оснований, а из реального положения дел в сфере русско-ливонско-ганзейских отношений.

Ливонские города, расположенные на землях ливонских ландесгерров (Ордена и епископов), находились в зависимости от них и в силу этого обязаны были соблюдать нормы внешнеполитических договоров, заключаемых ландесгеррами (в том числе и договоров с Русью). Но в то же время наиболее крупные ливонские города — Рига, Ревель, Дерпт и некоторые другие — являлись членами Ганзейского союза и играли заметную роль в его жизни, особенно в торговле и сношениях с русскими землями. До середины XV в. руководство сношениями Ганзы с русскими землями, а также руководство Немецким двором в Новгороде находилось в руках вендских городов и их главы Любека, с середины XV в. в силу разных причин (вовлечений вендских городов в борьбу с Данией, территориальной близости Ливонии с Русью и других) оно переходит в руки ливонских городов, причем если в сношениях с русскими землями, входившими в состав Великого княжества Литовского (Смоленская, Полоцкая земли), первенствующая роль принадлежала Риге, то в сношениях с Новгородом — Ревелю.

Двойственность положения ливонских городов: с одной стороны, как частей Ливонской конфедерации, а с другой — как членов Ганзейского союза, — а также особое место, занимаемое Ревелем в системе русско-ганзейских отношений конца XV в., и побудили, как нам кажется, московское правительство считать ганзейское купечество в целом ответственным за казнь русских в Ревеле осенью 1494 г., произведенную «безъ обсылки» с великим князем. Таким образом, непосредственной причиной закрытия Немецкого двора в Новгороде в 1494 г. явилось нарушение городскими властями Ревеля условий межгосударственного договора — договора 1493 г. между Новгородом (а по существу Русским государством) и Ливонской конфедерацией.

В более широком плане причины закрытия Немецкого двора в Новгороде заключались, как мы это постарались показать ранее в стремлении правительства Ивана III к ограничению привилегий ганзейцев и созданию благоприятных условий для заграничной торговли русских купцов, в первую очередь в Ливонии. Показательно, что после заключения русско-ганзейского договора 1514 г., по которому Ганза приняла на себя ответственность за соблюдение условий, благоприятствующих пребыванию и торговле русских в ливонских городах, Немецкий двор в Новгороде был вновь открыт.³²

³² Подробнее см.: Казакова П. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, гл. VI.